

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ОБЩЕЙ ПОЛИЦИИ ВО ФРАНЦИИ В ПЕРИОД АБСОЛЮТИЗМА

Как было отмечено в предыдущей работе автора¹, задачу дальнейшей централизации полицейских органов, возникших во Франции в феодальную эпоху, была призвана решать абсолютная монархия.

Известно, что выдающаяся заслуга в укреплении французского абсолютизма принадлежала кардиналу Ришелье; именно под его руководством было завершено построение государственной системы на тех принципах и основах, которые обеспечивали ее структуру и функционирование на протяжении последующих 150 лет².

Общественная безопасность и общественное благосостояние трактовались Ришелье и его позднейшими адептами исключительно лишь как безопасность и благосостояние королевской власти. Всякая, даже самая незначительная попытка противостоять правительству, занять по отношению к нему положение оппозиции, понималась как заговор против общественной безопасности. Борьба с подобными рода заговорами должна быть в центре внимания карательных органов. При этом превентивная их деятельность не должна уступать размерам постпозитивных мер: арест и другие меры пресечения не обязательно должны являться результатом доказанной виновности, напротив, эти доказательства вины могут быть добыты в результате ареста. И если речь идет о защите устоев государственной власти, правоприменительный орган может не считать себя связанным формулой закона³.

Главными действующими пружинами провинциальной администрации в эпоху Ришелье являлись должностные лица, которые официально именовались «интендантами юстиции, полиции и финансов». Следует помнить, что в ту эпоху под полицией часто понималась администрация вообще, а соединение административной власти с юстицией было характернейшей чертой «старого режима». Поэтому интенданты имели право производить административную регламентацию, конкурируя на этой почве с парламентами и муниципальными властями. Общая миссия интендантов определялась, следовательно, двумя основными положениями: надзор за всем, что касалось коммерции, промыслов и агрикультуры, и административная опека над муниципальными властями⁴.

Внедрение интендантов в структуру местной администрации производилось постепенно, в течение ряда десятилетий. К 80-м гг. XVII в.

интенданты имелись во всех областях Франции. Упразднение их должности было произведено лишь после 1789 г.⁵

Энергично содействуя укреплению и возвышению королевской власти во всех сферах, интенданты имеют заслуги и в дальнейшем совершенствовании и развитии собственно полицейской организации.

Общая регулярная полиция⁶ во Франции сложилась в эпоху наивысшего расцвета абсолютизма, когда, по выражению К. Маркса, оформилась «централизованная государственная власть с ее вездесущими органами: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судебским сословием,—органами, построенными по принципу систематического и иерархического разделения труда»⁷.

Давая определение абсолютизма как государственной формы, В. И. Ленин постоянно подчеркивал, что среди ее непременных атрибутов полиция имеет важнейшее значение. Абсолютизм (самодержавие) есть, по В. И. Ленину, «самовластие чиновников и полиции и бесправие народа»⁸. «Царское самодержавие,—пишет он,— есть крепостническая зависимость народа от чиновников и больше всего от полиции. Царское самодержавие есть самодержавие полиции»⁹.

Размах классовой борьбы трудящихся (в первую очередь, крестьянства) вынуждал правящие круги совершенствовать и укреплять государственный карательный аппарат. При этом полиция, являясь его существеннейшей составной частью, выступала в качестве самого гибкого и универсального орудия подавления.

Специфической особенностью карательного механизма в период абсолютной монархии (как и всего государственного аппарата в целом) являлась его кажущаяся независимость от классовых интересов дворянства. Хотя последнее сохраняет свое классовое господство на этом заключительном этапе развития феодального государства, сущность периода характеризуется известным равновесием сил между феодалами и буржуазией¹⁰, отчего королевская власть имеет возможность выступить в качестве некоей надклассовой силы, выразительницы общенациональных интересов, высшим арбитром возникающих в обществе противоречий.

Действуя в качестве такой надклассовой силы, абсолютная монархия резервирует за собой право обеспечить все средства для достижения общественной безопасности и общественного спокойствия; при этом, по справедливому замечанию И. Е. Андреевского, дело общественной безопасности, понимаемое правительством по-своему, совершенно растворялось и бесследно исчезало в понятии правительственной безопасности¹¹.

Исходя из этих руководящих начал и создавалась французская полицейская система, имевшая в виду максимально полное обеспечение королевских интересов. Главными методами деятельности полицейских органов являлись непосредственное грубое прямое принуждение, всеобъемлющая жесткая мелочная регламентация всей экономической и общественно-политической жизни страны. Конечная цель правительства заключалась в выработке единых условий «общественной безопасности», строго и точно соблюдаемых в масштабе всего королевства.

Децентрализованная, с полномочиями, еще не получившими четкой, окончательной регламентации, со слабой материально-технической базой, превотально-бальяжная полицейская организация предшествующего периода оказывалась не в силах успешно выполнять стоящую перед нею главную программную задачу — быть мощным, гибким, оперативным, вездесущим и всеохватывающим орудием государственного принуждения. Резкая критика существовавшего положения содержится в свидетельствах современников и позднейших исследователей¹².

Следовательно, мы можем констатировать, что реорганизация полиции во второй половине XVII в., приведшая к созданию специализированных органов общей регулярной полиции, вызвана к жизни глубокими классовыми причинами. Однако вполне понятно, что эти причины не формулировались законодателем и потому были оставлены без внимания немарксистскими исследователями. Реформы 60-х гг. вызваны, по их мнению, исключительно лишь неудовлетворительным состоянием санитарной и противопожарной безопасности, общественного порядка и спокойствия, в первую очередь в самом Париже.

Мы вовсе не склонны отрицать влияние указанных обстоятельств на направление деятельности законодателя в рассматриваемый период. Мы хотим лишь подчеркнуть, что обнаружение этих причин и сосредоточение внимания исключительно на них еще не означает решения всей проблемы. Ссылки на интересы общественной безопасности и спокойствия являлись обычной мотивировкой законодательства абсолютистского правительства, что объясняется особенностями его социальной базы. Выставление на первый план «общепользных» функций полиции было вызвано стремлением скрыть ее классовую сущность.

В 1666 г. Людовиком XIV по совету Кольбера был создан специальный совет под председательством канцлера Сегюра для разработки проектов реформ, относящихся к благоустройству и общественной безопасности Парижа¹³. Деятельность совета ускорила и подготовила осуществление в 1667 г. организационных мер по созданию регулярных полицейских органов. Последующая история — это развитие полиции не как универсального органа, каким она оставалась в области управления вплоть до конца 60-х гг. XVII в., но как органа особой, специальной компетенции.

Как уже отмечалось¹⁴, до середины XVII в. при парижском прево состояли в качестве помощников два должностных лица под общим наименованием генеральных лейтенантов — один по уголовным делам, другой по гражданским. В начале 1667 г. пост генерального лейтенанта по гражданским делам оказался вакантным: замещавший его Д. де Омбре внезапно умер. Правда, должность была сохранена за его сыном, но в урезанном объеме. Часть функций, ранее принадлежавших генеральному лейтенанту по гражданским делам, была выделена в самостоятельную должность и передана Габриэлю Николаю де Ла Рени, который до этого занимал пост «мастера прошений». Последний уплатил за это назначение 250 тыс. ливров¹⁵. Актом от 3 марта 1667 г. новая должность получила наименование «генеральный лейтенант полиции» (*lieutenant — général de police*).

Эдикт, вносивший эту новую должность в государственный реестр, был подписан королем 15 марта 1667 г. Заслуживает внимания мотивировка осуществленной реформы: «поскольку функции юстиции и полиции зачастую несовместимы и имеют слишком большой объем, чтобы быть хорошо выполняемыми одним должностным лицом в масштабе всего Парижа», целесообразно их отделить друг от друга¹⁶.

Следовательно, днем 15 марта 1667 г. можно датировать оформление общей регулярной полиции как особого органа специальной компетенции, формально отделенного от органов общей юстиции. Указанный эдикт содержал также перечень (пока еще далеко не полный и недостаточно детализированный) обязанностей и прав генерального лейтенанта полиции, который должен «ведать общественной безопасностью и правилами ношения оружия в превотстве, пожарами и наводнениями, очисткой города и снабжением его продовольствием и фуражом, ярмарочной торговлей, постоянными дворами и меблированными квартирами, сборищами и мятежами, мануфактурами и корпусом промыслов и ремесел, книгопечатанием и разностой товаров». В своей деятельности он должен руководствоваться полицейскими правилами и регламентами, изданными правительством. В свою очередь, генеральный лейтенант полиции мог сам издавать акты (ордонансы), имеющие подзаконный характер, а также подвергать преследованию и наказанию каждого, кто был замешан в злостном нарушении полицейских правил и регламентов (в частности, был застигнут на месте преступления), если такое преступление не влечет за собою лишения существенных прав. Кроме того, в ведение генерального лейтенанта полиции была передана Бастилия¹⁷.

В подчинении генерального лейтенанта полиции состояла целая иерархия полицейских чинов: 42 чиновника центрального полицейского бюро; 48 полицейских инспекторов, с титулом советников, действовавших в 48 кварталах столицы¹⁸; определенное число полицейских комиссаров, наблюдавших за порядком в городе; 60 наблюдателей общественной безопасности¹⁹. Кроме того, в распоряжении генерального лейтенанта находилась военная сила, назначение в которой офицеров от него, впрочем, не зависело: «гвардия Парижа» (*Garde de Paris*) под непосредственным командованием бригадира королевской армии, состоявшей из конных (111 чел.) и пехотных (867 чел.) частей, и «рота стражи Парижа» (*Compagnie du guet de Paris*), состоявшая из 70 чел.²⁰

С первых же шагов своей деятельности Ла Рени проявил стремление к независимости от парижского парламента. В письме к канцлеру Сегюру от 24 июня 1667 г.²¹ он объясняет многие неудачи полицейской деятельности предшествующего времени излишней легальностью, публичностью, официальнойностью, которые сопровождали работу парламента и его специализированных палат. Лозунг Ла Рени — «делать больше пользы и меньше шума, чем в прошлом».

В письме от 19 ноября 1671 г., адресованном Кольберу, Ла Рени проявил себя основоположником теории полицейской превенции. «Никто не может оценить так же хорошо, как Вы,— пишет Ла Рени,—

важность для короля и для... жителей Парижа обеспечивать спокойствие и благолепие, в которых они живут с некоторого времени, и гораздо более легко сохранить его (спокойствие.— В. К.), поскольку будет нелегко основать его вновь, когда оно будет однажды нарушено»²².

Сквозь обычную фразеологию, мотивирующую абсолютистское законодательство интересами «общественной безопасности», «интересами публики», «пользой подданных», отчетливо прослеживается тенденция максимальной централизации, идея подчинения полиции непосредственно главе государства. Другой рано проявившейся тенденцией развития общей регулярной полиции было постоянное расширение ее прав и полномочий. Для иллюстрации достаточно простого перечисления некоторых правительственных актов, изданных по полицейскому ведомству.

Актом от 21 апреля 1683 г. к ведению генерального лейтенанта полиции была отнесена цензура рукописей, а также преследование за клеветнические пасквили в письменном виде. Эдикты 1700 и 1707 гг. распространяли на него наблюдение за торговлей зерном, вином, питьевой водой, устрицами и пресноводной рыбой; декларация 29 января 1715 г.— за делами, связанными с призрением младенцев-подкидышей. Декларация 23 марта 1728 г. возложила на него обязанности специального надзора за мастерскими, производящими холодное оружие (штыки-байонеты). Декларация 18 июля 1729 г. вручила ему инспекцию строений, находящихся в ветхом состоянии. Декларация 25 августа 1737 г. передавала в его ведение дела, связанные с вербовкой солдат. Эдиктом 1755 г. генеральному лейтенанту полиции поручалось: исполнять все королевские распоряжения в Париже, вести списки всех прибывающих и поселяющихся в столице военных, вести все паспортное дело, допрашивать арестантов, заключенных в королевских тюрьмах, подвергать аресту всех опасных и подозрительных лиц с правом обыска и осмотра частных квартир, арестовывать всех вредных людей, могущих принести позор фамилии, вести наблюдение за торговлей (в особенности книжной), отправлять цензуру театральных представлений²³.

Перечень подобных правительственных актов, расширяющих сферу полномочий генерального лейтенанта полиции, может быть многократно увеличен.

Не следует забывать при этом три важных обстоятельства. Во-первых, генеральный лейтенант полиции сохранил за собою судебные функции по делам малых тяжб, выступая в качестве мирового посредника, действующего именем короля и являющегося его непосредственным представителем. Во-вторых, пределы Парижа не ограничивали компетенцию генерального лейтенанта полиции с пространственной точки зрения. На него автоматически перешло право, которым еще с XIV в. пользовались парижский прево и его лейтенанты,— право преследования и ареста преступников в пределах всего королевства. В-третьих, генеральному лейтенанту предоставлялись широкие возможности самостоятельного выбора способа своих действий в непредвиденных случаях: на этот счет он располагал суверенной властью и

не состоял под контролем никакого министра²⁴. Существеннейшим был факт постоянного контакта генерального лейтенанта с королем: последнему он делал ежедневные доклады²⁵.

Так закладывались основные принципы построения, соотношения с другими органами, полномочий и способов деятельности полиции абсолютистской Франции, которые позволяли ей оперативно и радикально решать задачи, выдвигаемые королевской властью в целях эффективного подавления масс, полного контроля над всеми проявлениями общественной жизни. При этом, по меткому замечанию И. Е. Андреевского, «полицейские органы считали для своей деятельности все средства дозволенными, вследствие чего обнаруживали полнейший произвол и совершенное сомнение в существовании человеческих прав»²⁶.

Значение, все более и более приобретаемое генеральным лейтенантом полиции, объяснялось все увеличивающимся количеством дел, которые поручались ему королем, не решающимся предоставлять эти дела судебному разбирательству. Так, Людовик XIV поручал Ла Рени дела, связанные с борьбой за «исправление нравов» при французском дворе,— интимность и деликатность поручения значительно содействовали приближению к королю, возвышению должности руководителя полицейского ведомства. Когда в конце 70-х гг. при дворе участились случаи тайных отравлений, по распоряжению короля, опасавшегося гласности, в 1679 г. было создано тайное судилище, в котором главную роль играл генеральный лейтенант полиции²⁷.

Воссоздавая картину развития полиции после 1667 г., можно остановиться на краткой характеристике деятельности генеральных лейтенантов, замещавших эту должность с момента ее создания вплоть до эпохи буржуазной революции²⁸. Источники, посвященные этому сюжету, всячески выпячивают «общепользную» деятельность чинов полицейского ведомства, совершенно оставляя в тени все, что выходит за эти рамки. Тем не менее документы позволяют судить и о репрессивных сторонах полицейской деятельности.

Судьбы и дела шефов полицейской службы, их взлеты и падения — это не только история отдельных личностей, но и история самой абсолютистской Франции в определенном аспекте, лежащем где-то между сферами интересов «чистых» историков и «чистых» юристов и потому чаще всего упускаемом из виду и теми и другими.

Как уже указывалось, первым генеральным лейтенантом был Г. Н. Ла Рени, замещавший свою должность без малого 30 лет (март 1667 — январь 1697). Его ордонансы касались увеличения численности городской стражи (ему, в частности, принадлежит мысль об организации особой бригады полицейских сержантов для ночных караулов,— мысль, реализованная его преемником), освещения и чистоты улиц, надзора за путями сообщения. Некоторые постановления Ла Рени о борьбе с мошенничеством, нищенством, детской беспризорностью сохраняли свою силу по крайней мере до конца XIX в.

Борясь с преступностью в Париже, Ла Рени закрыл несколько игорных домов и положил конец существованию так называемого «Дворца

чудес» — пристанища уголовных элементов; некоторые из них перешли на тайную службу к Ла Рени и стали организаторами шпионажа в полиции XVIII в.²⁹ Полицейские чины из аппарата Ла Рени собрали материал для организации шумных судебных процессов — как политических, так и уголовных. Несмотря на общую суровость полицейских регламентов печати, лично Ла Рени оказывал протекцию отдельным авторам и издателям. В частности, именно ему мы обязаны сохранением оригиналов произведений Мольера³⁰.

С первых же шагов своей деятельности полиция встала на путь так называемого «дирижизма», проявляющегося, в частности, в регламентации покроя и деталей одежды. Хрестоматийным примером в этом отношении является эдикт 25 сентября 1694 г., запретивший использование шелковых пуговиц и установивший обязанность их изготовления из той же ткани, из которой сшита одежда. Мотивировка эдикта чрезвычайно курьезна³¹; справедливости ради следует отметить, что сам Ла Рени выражал несогласие с этим эдиктом.

Но все же основное внимание администрация Ла Рени сконцентрировала на двух главных проблемах — религии и экономике. Именно характер деятельности полиции в этом направлении ярче всего демонстрирует ее антидемократическую сущность.

Отмена Нантского эдикта (17 октября 1685) знаменовала собою резкое обострение борьбы различных религиозных течений и группировок. На Ла Рени были возложены обязанности специального комиссара по осуществлению экзекуций против некатоликов, предусмотренных эдиктом 17 октября. Шесть томов рукописных документов, объединенных под заглавием «Отмена Нантского эдикта» (известны также под наименованием «бумаги Ла Рени»), рисуют впечатляющие сцены жестокостей, примененных в отношении протестантов как фанатичной толпой, так и органами государственного принуждения.

1692—1693 гг. были отмечены неурожаями, следствием которых явились многочисленные голодные бунты обнищавшего населения. 27 июля 1693 г. правительство фактически ввело монополию хлебной торговли в столичном округе, запретив заниматься ею частным лицам. Одновременно устанавливался максимум цен на хлеб. Спекуляция, однако, процветала: всего лишь через месяц цена на хлеб удвоилась. Не прекращались и бунты. Ответом было усиление полицейских репрессий. Несмотря на самые решительные меры (к каждому торговцу хлебом приставлялся полицейский), движение народных низов пресечь не удавалось³².

Неудачи Ла Рени в борьбе с протестантами и народными массами явились причиной его отставки. Умер он в 1709 г.³³

Мнение современников о Ла Рени выражено в мемуарах Сен-Симона. Отдавая должное трудолюбию, личным достоинствам и способностям первого руководителя полиции, мемуарист указывает, что доблести Ла Рени «утопали в элементах инквизиции, которые выродились в смертоносную рану и бич для государства»³⁴.

Сменивший Ла Рени на этом посту П. д'Аржансон вступил в должность после покупки ее за 250 тыс. ливров. Новый руководитель

проявил особое пристрастие к борьбе с политической преступностью, введя в практику регулярные доклады канцлеру об общем состоянии умов в королевстве. Новизна предприятия и отсутствие опыта в работе объясняют крайнюю бессистемность этих рапортов, в которых «сущие безделицы соседствуют с государственными тайнами»³⁵.

При д'Аржансоне резко усилилась цензура печати и театральные представления. Очевидно, не все действия генерального лейтенанта и в этом направлении были удачными: конфискация части тиража не приводила к изъятию из обращения запрещенной книги. «Вы никогда не изобретете ничего лучшего,— саркастически обращается к д'Аржансону один из высокопоставленных корреспондентов,— конфисковав двенадцать экземпляров, в то время как их распространяют тысячами»³⁶.

Проблема подавления народных выступлений была не менее острой. Исключительно тревожным был 1709 г., когда хлеб вздорожал в пять раз. Правительство вновь прибегло к регулированию хлебной торговли; полиция и суды усилили репрессии против участников голодных бунтов.

В течение 20-летнего периода своей деятельности д'Аржансон проявил себя решительным сторонником тайных, секретных методов работы полиции. Своим влиянием на короля он не уступал Ла Рени,— этому влиянию завидовали министры. В январе 1718 г. д'Аржансон был назначен президентом финансового совета и хранителем печати, а впоследствии — государственным министром и генеральным инспектором полиции королевства.

М. д'Арнонвилль, состоявший в должности генерального лейтенанта полиции с 28 января 1718 г. по 26 января 1720 г., не успел оставить сколько-нибудь существенного следа. Известны некоторые его ордонансы, запрещающие азартные карточные игры (бассет, фараон, ландскнехт) под угрозой в 500 ливров штрафа и закрытия (на срок до 6 недель) постоянных дворов, трактиров, кабаре, где эти игры происходили. Падение д'Арнонвилля связано со скандальным происшествием, когда парижскими бродягами был схвачен и ограблен маршал де Виллар. И хотя маршалу удалось спастись, король дал д'Арнонвиллю отставку.

После него на посту руководителя полицейского ведомства мы видим П.-М. д'Аржансона, об отце которого уже говорилось; его магистратура оказалась исключительно кратковременной (26 января — 30 июня 1720).

С 1 июля 1720 г. до апреля 1722 г. полицию возглавлял Т. де Бодри, успевший издать несколько ордонансов, надолго переживших его автора. Ордонанс 24 сентября 1720 г. («О безопасности подданных») строжайше запретил ношение неразрешенного оружия, установил предельные сроки пребывания военнослужащих в городе, обязал собственников домов и ответственных квартиросъемщиков под угрозой штрафа в 100 ливров держать двери своих домов закрытыми с 8 часов вечера зимой и с 10 часов вечера весной, летом и осенью. Ордонанс 16 октября 1720 г. свидетельствовал о вмешательстве полиции во взаимоотно-

шения хозяев и слуг; последним воспрещалось покидать хозяев без особо удостоверенного аттестата. С именем Бодри связано и издание регентского ордонанса 29 октября 1720 г. о запрещении выезжать за пределы королевства без специальных паспортов под угрозой смертной казни³⁷.

После падения Бодри генеральным лейтенантом вновь стал П.-М. д'Аржансон (26 апреля 1722—28 января 1724). При нем последовал исключительно реакционный регламент, усиливший цензуру книгопечатания; экзекуционные меры по этому регламенту возлагались именно на генерального лейтенанта.

В январе 1724 г. П.-М. д'Аржансон был перемещен на пост военного министра; вакантную должность шефа полиции занял Р. д'Омбреваль (до августа 1725). Его магистратура совпала с учреждением Парижской биржи, в связи с чем сфера деятельности полиции еще более расширилась.

Обстоятельства увольнения д'Омбреваля также связаны с обострением продовольственной проблемы, спекуляцией, ростом цен. Народ требовал решительных мер, но правительство ограничилось выставлением д'Омбреваля в качестве козла отпущения.

Сменивший его Р. Геро (29 августа 1725—21 декабря 1739) характеризовался современниками как наиболее слабый чиновник на этом посту. При нем, жалуются хроникеры, полиция утратила способность активного воздействия на главные рычаги общественной жизни и ограничивалась мероприятиями исключительно паллиативного свойства. Многочисленные аресты, производимые Геро, не приводили к стабилизации положения, напротив, они вызывали всеобщее недовольство.

Его преемнику Ф. де Марвиллю (приходившемуся Геро зятем) было сразу же вменено в обязанность давать королю регулярные отчеты «обо всем, что произошло в Париже, и обо всем, относительно чего необходимо принять меры». Весь период пребывания в должности (21 декабря 1739—27 мая 1747) де Марвилль занимался исправлением ошибок своего предшественника, издавая акты, направленные на жесточайшее регламентирование предпринимательства, торговли, снабжения Парижа продовольствием. Демагогическая окраска этих мероприятий лишь в слабой степени маскирует их классовый смысл: не допустить обострения классовой борьбы, предотвратить взрыв народного недовольства.

Берьер (27 мая 1747—29 октября 1757) был обязан своим назначением небезызвестной госпоже Помпадур, и он отблагодарил ее тем, что поставил весь полицейский аппарат на службу личным интересам королевской фаворитки.

Наиболее важным нововведением Берьера было создание так называемого бюро безопасности, призванного стать центром тотальной слежки за всеми «подозрительными». Чиновники бюро разворачивали широкую сеть шпионажа, осуществляемого полицейскими агентами («мушардами»); всячески поощрялось добровольное доноительство поданных друг на друга.

Причину недостаточно обеспеченной безопасности в Париже Берьер видел в массовом бродяжничестве, а методом борьбы с последним считал жесточайшие штрафы. Парламент обвинил Берьера в злоупотреблениях штрафами, «которые он налагал без милосердия». Стремясь освободиться от обвинений, Берьер увидел выход в массовых арестах бродяг и нищих. Когда в числе арестованных стали все чаще оказываться представители вполне добропорядочных фамилий, недовольство Берьером стало всеобщим. Народ Парижа грозил физической расправой над генеральным лейтенантом. Парламент, разряжая обстановку, распорядился арестовать чинов полиции, непосредственно виновных в злоупотреблениях. Тем временем король освободил Берьера от должности, назначив его хранителем печати³⁸.

Б. де Беллиль (29 октября 1757 — 21 ноября 1759), тоже протеже Помпадур, воспринял пост руководителя полицейского ведомства в ожидании другой должности. К своим обязанностям он относился поэтому исключительно формально; вскоре он стал генеральным контролером финансов.

Преемник Беллиля — де Сартин (до 30 августа 1774) был, по отзывам современников, «гением доносчиков», много преуспевшим именно на этой почве. Широкая агентурная сеть была разбросана им не только по всей стране, но практически по всей Европе и достигала даже Америки и Индии. Идефиксом де Сартина была так называемая «теория мнимых происшествий». Руководствуясь ею, он практиковал организацию превентивных репрессивных мер, жертвами которых были совершенно невинные люди. Это диктовалось стремлением продемонстрировать необходимость полиции, ее бдительность и силу, возвеличить ее роль³⁹.

Из «общепользных» нововведений де Сартина можно назвать организацию службы спасения утопающих, деятельность в плане привлечения общественности к чистке улиц, устройство конкурса (приз — 100 пистолей) на наиболее экономичный проект освещения столицы⁴⁰.

После де Сартина началась первая магистратура Ж. Лемуара (до 14 мая 1775), решительного сторонника регламентации ремесел и конфискационных мер для улучшения продовольственного снабжения Парижа. Пользовавшийся исключительными симпатиями правящих кругов, он вызвал ненависть к себе со стороны народа, выступив сторонником повышения хлебных цен. Столкнувшись на этой почве с набиравшим силу Р. Тюрго, Лемуар был вынужден подать в отставку.

Во главе полиции встал И. Альбер (до 19 июня 1776), личный друг Тюрго. Энергичные меры Альбера в экономической области в духе теорий Тюрго вызвали недовольство у реакционного большинства господствующего класса. С другой стороны, широкие слои общественности были возмущены его драконовскими мерами в области печати.

Падение Тюрго привело и к падению Альбера. Пост генерального лейтенанта вновь занял Ж. Лемуар (до 11 августа 1785). Свою вторую магистратуру он провел под знаком решительных мер в области «поправления нравов». Политика Лемуара в деле книгопечатания по жестокости не уступала мероприятиям его предшественника⁴¹; систе-

ма шпионажа и осведомительства развивала приемы и методы де Сартина.

Подав в отставку, Лемуар получил место директора королевской библиотеки. Он дожил до времени Первой империи, и ходатайствами Ж. Фуше ему была установлена ежегодная пенсия в 4 тыс. франков⁴².

Последним, четырнадцатым по счету генеральным лейтенантом полиции за всю 122-летнюю историю существования этой должности был Т. де Кросн (11 августа 1785—16 июля 1789). Хронисты отмечают более чем посредственные качества этого администратора. Он оказался не в состоянии ни предвидеть революцию, ни предупредить ее первую акцию 14 июля. Вообще его деятельность не оставила следа, если не считать начатой по его инициативе ликвидации кладбищ, расположенных в центре Парижа, рассадников антисанитарии и эпидемий. Останки 1,6 млн. парижан, 30 поколений людей, населявших столицу Франции в течение предшествующих веков, были перенесены в парижские катакомбы⁴³. Эти работы продолжались (с перерывами) до 1871 г.

16 июля 1789 г. де Кросн передал свои полномочия выборному мэру Парижа. Впоследствии, 28 апреля 1794 г., 79 лет от роду, он закончил жизнь на гильотине, осужденный на смертную казнь якобинским Революционным трибуналом⁴⁴.

Деятельность руководителей французского полицейского ведомства иллюстрирует высказывание И. Е. Андреевского⁴⁵ о том, что в период абсолютизма проявилось стремление правительства руководить промыслами, вторгаться в частную жизнь подданных, установить жестокий режим всеобщего подавления и угнетения в обстановке господства в стране крепостного права, плохой финансовой администрации, отсутствия действительной безопасности— всего того, что составляло язвы общественной жизни дореволюционной Франции. Все это приводит к выводу, что «французская полицейская система подготовила наибольшие опасности для королевской власти, и несмотря на сильную иерархию органов исполнительной полиции, построенную на началах централизации, не только не в состоянии была предупредить, но еще и ускорила разрушение королевской власти»⁴⁶.

Абсолютная монархия есть последняя по времени форма феодального государства, пришедшая на смену предыдущим формам в период существенных изменений в экономическом базисе феодализма. «Абсолютная монархия,— писал К. Маркс,— возникает в переходные эпохи, когда старые феодальные сословия разлагаются, а средневековое словие горожан складывается в современный класс буржуазии...»⁴⁷.

Неограниченная королевская власть в форме абсолютной монархии была вызвана к жизни своеобразным равновесием сил дворянства и буржуазии, сложившимся в эпоху становления капитализма. Ф. Энгельс указывал, что в истории «встречаются... периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними... Такова

абсолютная монархия XVII и XVIII веков, которая держит в равновесии дворянство и буржуазию друг против друга...»⁴⁸.

Однако, несмотря на то, что абсолютизм попеременно опирался то на дворянство, то на буржуазию, играя на противоречиях между ними, он оставался формой диктатуры дворянства. Задачей абсолютной монархии являлось сохранение феодального базиса и политического господства класса феодалов. Период абсолютизма был зенитом блеска дворянского класса, временем наиболее полного удовлетворения его классовых интересов.

Что же касается подавления эксплуатируемых масс, то в его осуществлении королевская власть возглавляла объединенный фронт дворянства и буржуазии — здесь интересы двух классов целиком совпадали. С точки зрения классовой сущности, карательный механизм абсолютной монархии полностью сохранял свой феодальный характер. Но возможности, которыми располагал абсолютизм в деле подавления трудящихся масс, были гораздо более значительными, чем в предшествующие периоды истории феодального государства.

Дальнейшее изложение материала по истории карательного (в частности, полицейского) аппарата абсолютистской Франции, который сохранял свою феодальную сущность вплоть до падения «старого режима», строится с учетом высказанных здесь положений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: В. В. Кучма. Выполнение полицейских функций во Франции периода феодализма (до XVII в.). — АДСВ, вып. 11. Свердловск, 1975, с. 155—167.

² Основы, принципы, цели и методы своей политики Ришелье изложил в так называемом «Политическом завещании», опубликованном после его смерти. Новейшее издание — *Cardinal de Richelieu. Testament politique*. P., 1947.

³ *Ibid.*, p. 341—344.

⁴ H. Vuisson. *La police, son histoire*. P., 1958, p. 35.

⁵ Литература об интендантах обширна. Помимо общих трудов по истории абсолютистской Франции, см. напр. С. Д. Сказкин. Старый порядок во Франции. М.—Л., 1925, особенно с. 17—47; А. Н. Савин. Век Людовика XIV. М., 1930, с. 94; и др. Лучшей французской работой остается книга: Ch. Godard. *Les pouvoirs des intendants sous Louis XIV*. P., 1901.

⁶ Первая в советской литературе попытка определения этого термина была принята М. И. Сизиковым. «Общая регулярная полиция, — пишет он, — это обособленный, постоянно действующий военизированный бюрократический орган эксплуататорского государства, осуществляющий охрану общественного порядка и государственного строя, внутренней безопасности и правопорядка, исполняющий веления органов государственной власти в интересах господствующих классов методами прямого принуждения» (М. И. Сизиков. Становление регулярной полиции в России 1718—1741 гг.). Автореф. канд. дис. Свердловск, 1972, с. 5). Такое определение представляется достаточно полным и правильным.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, с. 339.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 252.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, с. 137.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 172.

¹¹ И. Е. Андреевский. Полицейское право, т. 1, 2. Спб., 1874, с. 56.

¹² См. напр.: P. Clement. *La police sous Louis XIV*. P., 1866; M. Chassaingne. *La Lieutenance générale de police de Paris*. P., 1906.

- ¹³ См. об этом: Н. Вuisson, *op. cit.*, p. 50.
- ¹⁴ См.: В. В. Кучма. Выполнение полицейских функций..., с. 162.
- ¹⁵ Н. Вuisson. *Op. cit.*, p. 50.
- ¹⁶ Текст эдикта: А. Vermorel. *Les Mystères de la Police*, part 1. Paris, 1863, p. 2—3.
- ¹⁷ См.: Брентано. Бастилия, ее архивы и легенды. Спб., 1905, с. 50—51.
- ¹⁸ Об этих должностных лицах, именовавшихся также «комиссарами Шателе», см.: М. Marion. *Dictionnaire des Institutions de la France aux XVII-e et XVIII-e siècles*. P., 1923, p. 441.
- ¹⁹ И. Е. Андреевский. Полицейское право, с. 60.
- ²⁰ А. Vermorel. *Op. cit.*, p. 7.
- ²¹ Н. Вuisson. *Op. cit.*, p. 51.
- ²² *Ibid.* p. 52.
- ²³ И. Е. Андреевский. Полицейское право, с. 59—60.
- ²⁴ Н. Вuisson. *Op. cit.*, p. 52.
- ²⁵ И. Е. Андреевский. Полицейское право, с. 57.
- ²⁶ Там же, с. 58.
- ²⁷ Там же, с. 57—58.
- ²⁸ Наиболее полный фактический материал на эту тему собран в книге: Е.-Т. Saint-Edme. *Biographie des lieutenants généraux, ministres, directeurs généraux, chargés d'arrondissement, préfets de police en France*. P., 1829.
- ²⁹ См. об этом: L. Lurin. *Histoire secrète et publique de la police ancienne et moderne*. P., 1847.
- ³⁰ Н. Вuisson. *Op. cit.*, p. 54.
- ³¹ Приведена: *Ibid.*, p. 55.
- ³² И. Е. Андреевский. Полицейское право, с. 58.
- ³³ А. Vermorel. *Op. cit.*, p. 14.
- ³⁴ Цитировано по: Н. Вuisson. *Op. cit.*, p. 56.
- ³⁵ *Ibidem*.
- ³⁶ *Ibidem*.
- ³⁷ *Ibid.*, p. 58.
- ³⁸ *Ibid.*, p. 61.
- ³⁹ И. Е. Андреевский. Полицейское право, с. 59.
- ⁴⁰ Н. Вuisson. *Op. cit.*, p. 62.
- ⁴¹ См.: J. Caltier-Boissière. *Les mystères de la police secrète*. P., 1936.
- ⁴² Н. Вuisson. *Op. cit.*, p. 64.
- ⁴³ *Ibidem*.
- ⁴⁴ А. Vermorel. *Op. cit.*, p. 90.
- ⁴⁵ И. Е. Андреевский. Полицейское право, с. 56.
- ⁴⁶ Там же, с. 54.
- ⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 306.
- ⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 172.